

УДК 130.2

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОБЩЕСТВА БЛАГОДЕНСТВИЯ⁷

Б.В. Марков

Статья посвящена анализу современного цивилизационного развития. Отличительной особенностью нынешней эпохи автор считает поворот человека к собственному благоденствию. В работе также рассматриваются различные, существующие в истории культуры дискурсы о человеке, которые трансформировались в постсоветском пространстве.

Ключевые слова: *цивилизационное развитие, человек, современная эпоха, общество благоденствия.*

Какой видится судьба человека в современную эпоху? Технократическое мировоззрение, как оптимистическая идеология эпохи прогресса, в результате осознания его негативных последствий, вроде экологического кризиса, недееспособности демократии, дегуманизации общества, сменяется апокалипсическими настроениями, выражающимися в тезисах о смерти человека, конце цивилизации и т. п. Раньше ученые славили разум и человека. Сегодня ими тоже овладели апокалипсические настроения. Стоит заговорить с ученым, начнется тема экологии: техника опасна, ибо ведет к исчерпанию ресурсов, генные технологии, клонирование угрожают самому человеку. По прогнозам Римского клуба, ресурсы должны были уже давно кончиться. Очевидно, что его члены занимались нагнетанием обстановки. Встает задача сохранить науку от самой себя.

Гуманитарии видят выход в обращении к традициям древности, в усилении религиозного, морального, гуманитарного воспитания, в возвращении к духовному культурному наследию, на базе которого возможно восстановление солидарности людей и сплоченности общества. Представители естественных наук, наоборот, считают выходом из кризиса ускоренное развитие цивилизационного процесса, глобализацию и вестернизацию, а также развитие современных технологий, снижающих техногенную нагрузку на природу. В противоположность добрым речам о человеке, ведущим поиск человеческого в человеке, зарождается радикальный дискурс, отвергающий гуманистические ценности: природу нельзя спасти, необходимо развивать медицину, искать "ген долголетия", разрешить клонирование и таким образом, используя ресурсы биологического носителя, искать новую материю для мысли. Отсюда популярность фантастического проекта, предлагающего заново сделать человека. Если природу и органическое тело человека нельзя спасти, то следует создать искусственный носитель духа. Пока

⁷ Работа выполнена в рамках украинско-российского проекта №29 (Постанова Президії національної академії наук України №88 від 30.03.2007 р.).

наука не может нам предложить новое искусственное тело, можно сосуществовать со старым, используя клонов для замены больных органов.

Естественно, эти умонастроения отражают раскол и расслоение общества. Особенно в России, где ситуация характеризуется "многоукладностью", когда болячки отсталости соединяются с достижениями цивилизации, приходится принимать во внимание и сочетать кажущиеся теоретически несовместимыми программы. Философия как царица наук, как производитель метода, как законодатель рациональности – это славное амбициозное прошлое. Сегодня она должна опираться на открытия и достижения наук, в том числе и гуманитарных. Она может играть роль медиума коммуникации между различными дисциплинами, представители которых перестают понимать друг друга.

ДИСКУРСЫ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ.

Идея человека – продукт философии, которая более двух тысячелетий занимается совершенствованием образа человека. Ясно, что она отражает некие социально, культурно, исторически обусловленные ожидания, которые реализовались в педагогических и идеологических практиках той или иной эпохи. Но это не дает повода для абсолютизации идеи человека. Антропологический поворот в философии в начале XX в. осуществлялся в ходе дискуссий с биологической антропологией и привел к интеграции разнообразных дискурсов как естественно научного, так и философского характера. Подобный синтез был необходим, прежде всего, для решения вопроса о происхождении человека. Здесь соревнуются самые разнообразные концепции биологического, натурфилософского, культурологического и религиозного плана. Многие пишут о происхождении человека так, как будто присутствовали при этом и знают наверняка. На самом деле это одна из вечных загадок и, скорее всего, только астрономическая сумма денег, потраченная на расшифровку генома человека, внушает уверенность, что в этом вопросе достигнута полная ясность. Но если столь очевидное различие человека и животного выражается всего лишь в 1/10 процента, то совершенно очевидно, что расшифровка генетического кода не дает ответа на загадку человека. Значимость этих близких к завершению исследований лежит в иной плоскости.

Столь же странным образом обстоит дело в биологической антропологии и археологии. Фактов много, но они уложены в весьма убогие схемы.

Биология стремится построить своеобразную “лестницу живых существ”, идея которой связана с задачей доказательства единства законов эволюции, возникновения новых все более совершенных организмов. Поэтому первый и главный вопрос биологии человека касается места, которое он занимает в ряду других живых существ. Его спецификация осуществляется в ходе сравнения с млекопитающими, приматами, антропоидами. В результате выявляется, что отличительные анатомо-морфологические, онтогенетические и этологические особенности человека по сравнению с наиболее близким ему видом значительно глубже, чем между остальными видами.

Таким образом, различие человеческого и животного становится весьма резким. Но логично ли мыслимым является утверждение, что особенное животное, каким является человек, настолько отличается от животного? Можно попытаться

устранить данный парадокс, принимая во внимание способы удовлетворения естественных потребностей и самосохранения, которые характерны для животных и человека. Преемственность между ними видят в том, что недостаточность волосяного покрова компенсируется одеждой, а слабость когтей и зубов – орудиями. Теория эволюции пытается вывести происхождение человека из линии развития животного. Но это бесперспективно. Место человека в мире определяется принципиально иначе, чем место животного в окружающей среде. Отсюда "место" должно быть раскрыто не в физических, а в метафизических параметрах.

Другое решение парадокса состоит в утверждении, что человек является животным и одновременно отличается от него. В отличие от редукционизма дуализм исходит из старой концепции о двойственности человека, который имеет тело и дух. Но он сталкивается с другой трудностью – объяснением единства, которое достигается допущением о специфике человеческого тела, управляемого духом.

Человек определяется либо как живое существо в биологии, как богоподобное создание в религии, как духовная субстанция, субъект в метафизике. С философской точки зрения существует большой разрыв между открытиями палеонтологии и их истолкованиями. Фактов много, но все они уложены в крайне убогие, или фантастические схемы. Поэтому даже хайдеггеровское определение человека как просвета бытия кажется более смелым и плодотворным, чем устаревшие естественнонаучные подходы. Становление человека можно и нужно понимать не только как процесс совершенствования его нейро-физиологии, но и как создание, собирание бытия вокруг себя. Именно сегодня, когда расшифровка генетического кода показала сколь ничтожно различие человека и животного, вновь актуален вопрос о своеобразии человеческого. Проблема в том, что нельзя отрицать ни соседства, ни пропасти, отделяющей нас от животных.

Еще в начале века пионеры философской антропологии указывали на ограниченность биологического подхода к определению человека. Если оценивать его с точки зрения адаптации к среде, то, пожалуй, это самое неприспособленное животное. На высшей ступени эволюции наиболее приспособленными оказываются организмы, способные кооперироваться и воспитывать потомство. Поэтому сегодня происходит расширение эволюционной теории в социобиологии, биоэстетике, генетике и т.п. Вместе с тем биологические метафоры имеют огромный эвристический потенциал в этике, истории, педагогике и др. гуманитарных дисциплинах. Но сегодня можно и нужно говорить, во-первых, о социально-культурной и, разумеется, философской "нагруженности" биологических теорий; во-вторых, о переходе эволюции человека в другие сферы. Примером может служить использование понятий "приспособление", "селекция", "отбор" и, особенно, "иммунная система" в рамках искусственно созданной среды обитания – культуры. Поэтому главное направление междисциплинарного тренда – это гуманитарные дисциплины, где происходит настоящая научная революция.

Для человека характерна беспримерная инфантилизация, которая состоит в сохранении младенческой пластичности у ребенка. Это направление обеспечивается усиленной церебрализацией. Быстрое возрастание массы мозга, формирование

неокортекса, рискованный рост черепа еще во внутриутробном состоянии, ведущий к раннему рождению – все это взаимосвязано и все это предполагает, что после рождения ребенок еще долго будет получать компенсацию за раннее рождение материнским теплом. Физическое и психическое тепло, обеспечиваемое родителями, т.е. забота о подрастающем потомстве и становится важнейшим фактором эволюции человека.

Данные палеонтологии обнаруживают интересную особенность *homo sapiens*: благодаря раннему рождению у них затормаживается процесс монструозолизации, что возможно благодаря сохранению внутриутробной морфологии во внеутробном состоянии. Возникает своеобразное животное-диссидент, нарушающее биологический закон созревания. Это обстоятельство было раскрыто амстердамским палеонтологом Л. Больком [1], который, опираясь на концепцию фотализации Портмана, развил теорию *неотении*. Ее суть состоит в объяснении рискованной недоношенности и затянутого детства, которые управляются в процессе эволюции эндокринологическими и хронобиологическими механизмами.

К эффективным культурным техникам формирования человека относятся такие символические институты как язык, брак, система родства, техники воспитания, возрастные, половые нормы и роли, а также война, труд и все ритуалы формирования и самосохранения группы. Эти порядки и образуют богатейший арсенал антропотехники, которая пластифицирует незавершенное природой человекообразное существо и формирует необходимые для социума качества. Речь идет о буквальном моделировании человека цивилизационными механизмами, которое осуществляется традиционно дисциплиной, воспитанием и образованием. Обучаемость мозга не является продуктом органической "сообразительности". Его драматически излишнее развитие обусловлено как раз недостатком природной приспособляемости. Важно, что большая часть структуры мозга формируется в послеродовой период. Анатомический и нейро-церебральный дрейф осуществляется в сторону накопления излишних с биологической точки зрения символических качеств. Благодаря этому он становится восприимчивым не столько к биологической, сколько к ситуативной и "исторической" информации. Все большую роль начинают играть не орудия воздействия на предметы, а более тонкий инструментарий символической коммуникации, на упорядочение которой и тратятся все большие усилия.

Конечно, этих практик недостаточно для производства человека. Они, скорее, манифестируют, чем реализуют существо человека. Культурная антропология, представители которой уже более 100 лет занимаются описанием образа жизни так называемых примитивных народов и реконструкцией первобытной культуры, не проливает ослепительного света на проблему человека. Думается, и здесь причиной неудачи является господство односторонней научной объективистской установки, ориентирующей на поиски в истории следов современности. Разумеется, современное человечество является ступенью лестницы ведущей вглубь истории и далее эволюции природы, однако нельзя злоупотреблять антроподицеей, согласно которой и природа, и история выступают частью великого плана, целью которого является нынешний идеал человека. Религиозный дискурс также не лишен

трудностей. Если человек создан по образу и подобию Бога, то Создатель либо имел предварительный образ человека, либо достиг стадии сходства с ним. В том и в другом случае заранее предполагается то, что следует объяснить. Открытость человека миру – это не открытие Бога в Иисусе Христе. Поэтому философия дистанцируется от теологической трактовки человека. Религиозно-антропологическое объяснение его происхождения столь же уязвимо, как и естественнонаучное, ибо в нем скрыто предполагается, что Бог, сотворивший Адама по своему подобию, сам в определенной стадии своего развития стал человеком. Человек оказался настолько превознесенным, что по его образу конструировали Бога.

Поскольку ни один из существующих рассказов о человеке не является вполне автономным, остается преодолевать фундаментализм и выстраивать междисциплинарный подход, предполагающий не конкуренцию, кооперацию.

РОССИЙСКИЙ НАРРАТИВ

Сегодня российское общество является открытым, пали прежние искусственные барьеры, которые, по сути дела, ограждали его психическую, социальную, культурную, экономическую систему, от внешних воздействий. Люди, воспитанные за "железным занавесом" как в профилактории, потеряли способность самосохранения. Они слишком долго жили на «капельнице». Сначала родители, затем педагоги, наконец, авторитетные органы – все заботливо опекали от вредных воздействий. Не слишком утруждая себя, они действовали методом запрета и таким образом лишили своих подопечных способности самостоятельно защищаться. Когда, наконец, стены и границы пали, люди оказались беззащитными перед чужими. Даже традиции предков внушают чувство не только неуверенности, но и стыда. Конечно, чувство гордости за себя и свой коллектив не должно превращаться в эгоизм, оно должно сочетаться с толерантностью по отношению к аналогичным чувствам других, но крайне опасно стереть это чувство совсем, ибо без него, как без кожи, человек теряет себя.

Осознание такого рода опасностей определяет особенности философской антропологии в современной России. Стоит обратить внимание и на трансформацию дискурсов о человеке, которая происходит на постсоветском пространстве. Должна философия изменять мир или стоять в стороне, чтобы заниматься рефлексией, это нерешенный вопрос. Но стоит помнить о той цене, которую человечество платило за воплощение философских утопий. А утопией остается любая концепция, которая не прошла стадию критической рефлексии – разбирательства как ее теоретической consistency, так и пользы и вреда ее практических последствий для общества.

В недавно опубликованной книге Е.В. Золотухиной–Аболиной систематизированы материалы, опубликованные в период становления философской антропологии в России [2]. Вместе с тем, в ней упомянуты не все основополагающие работы. Одна из первых и лучших работ по социальной антропологии написана В.С. Барулиным [3]. В отличие от весьма туманных фантазий философов о трансцендентальной природе и сущности человека, здесь весьма внятно раскрывается человеческий характер социальной, экономической,

хозяйственной жизни. Вместе с тем, романтика времени сказала в том, что автор не видит противоречия в развитии свободной индивидуальности и сохранении государственных добродетелей человека. Сегодня проект социальной антропологии нуждается в радикальном обновлении. С одной стороны, кажется необходимым сохранение ориентации на общество и культуру при определении сущности человека. С другой стороны, необходимо критически отнестись к тенденции индивидуализма, который бурно расцветает на поле нынешней постмодернистской экономики. Выход заключается в реабилитации традиционных укладов и форм жизни. Участие в этом процессе экономистов, социологов, культурологов представляется весьма важным, так как от философских деклараций дело следует довести до построения такой модели общества, где бы реальная и виртуальная экономика сочетались с традиционными антропологическими характеристиками родового человека.

П.С. Гуревич с одной стороны, определяет философскую антропологию как философию человека. С другой стороны он проводит резкую демаркационную линию между ними и связывает становление этой дисциплины с историзмом Вико. Различные дискурсы о человеке он классифицирует в зависимости от того, какому медиуму отдается предпочтение в социальных коммуникациях: Бог, природа, социум, человек [4, с. 101].

Интересная исследовательская программа социальной антропологии была заложена Ю.Н. Емельяновым. Ее основу составляют достижения западной культурной антропологии, которые критически и творчески воспринимаются авторами в контексте российских реалий. Хотя они обозначают свою работу как критико-рефлексивную, в ней содержится целый ряд позитивных идей, составивших основу отечественной социально-культурной антропологии. Достоинство предлагаемого подхода видится в отказе от узко инструментального понимания природы современного социальной реальности. В отличие от большинства российских гуманитариев, считающих современный социум лишенным гуманистической составляющей, авторы полагают, что социальная реальность остается коммуникативной по своей природе и поэтому взаимоотношения людей не только объективируются, но и очеловечиваются [5].

России нужны передовые технологии и, прежде всего, не только научно-технические, но и воспитательно-образовательные. Для их создания необходимо описать и восстановить весь, так сказать, "технопарк", при помощи которого наши предки воспитывали своих сыновей и дочерей, выносивших тяжелый груз социальных, семейных человеческих обязательств. Разумеется, прежде всего, внимание обращается к православию, которое целое тысячелетие формировало и пестовало тела и души русских людей. А.А. Корольков разрабатывает проект "духовной антропологии", опирающийся на традиции православия. "Духовность – это проявление устремленности к совершенному, идеальному, целостному. Духовность преодолевает утилитаризм, чисто практическое, точнее – прагматическое, бытие человека. Духовность рассматривалась в русской религиозной философии как метафизическое ядро человека. Самое существенное в духовной жизни – искание Бесконечного, Абсолютного, Идеального"[6, с. 4].

Образец духовной жизни автор находит в христианстве. Свою задачу он видит в восстановлении традиции христианского воспитания, опирающегося на идею богоподобия человека. "Духовное самоопределение и возмужание Руси, России происходило на основе христианства, поэтому основой духовной антропологии с необходимостью должно оставаться христианство, православие" [6, с. 12].

Н. В. Омельченко придерживается мнения, что философская антропология должна строиться на гуманистических основаниях. Автор защищает понятие души, определяя ее как совокупности (внутренних и внешних) устойчивых универсальных отношений человека с миром. Развивая рафинированную концепцию бессмертия души, автор полагает, что смысл человеческого существования заключается в укреплении своего бессмертного, богоподобного начала. Светская теология определяется им как философия, которая изучает религию, ее постулаты, образы и символы для прояснения подлинного облика бытия и человеческого существования [8, с. 39].

В. Д. Губин и Е. Н. Некрасова реконструируют проект человека, сформировавшийся в ходе антропологического поворота в начале XX столетия ((Шелер, Бубер, Плеснер, Гелен), и дополняют его психоанализом (Фрейд, Юнг, Фромм), а также идеями постмодернистских мыслителей (Делез). Достойное место в книге нашли идеи русских мыслителей.

Философская антропология определяется авторами как наука о сущности и сущностной структуре человека, о его основных отношениях: к природе, обществу, другим людям, к самому себе, по его происхождению, о социальных и метафизических основаниях его существования, об основных категориях и законах его бытия. В качестве основополагающих феноменов человеческого бытия представлены любовь, творчество, счастье, уд, игра, смерть и смысл жизни. Авторы предлагают и собственный проект «живого человека», согласно которому быть человеком значит быть живым: «Это особенно относится к философски мыслящему человеку, который должен постоянно преодолевать настоящее, вырываться из его оков, из его стереотипов, из огромного количества усыпляющих и успокаивающих своей массивностью и надежностью знаний, которые существуют в каждую эпоху, из сложившегося представления о жизни. Надо быть судьей всему тому, что сложилось, затвердело и омертвело» [9, с. 217].

Примером трансформации постмодернистского дискурса в России можно считать работу С.П. Гурина, где критикуется классический образ "человека вообще", относительно которого предполагается, что это мужчина-европеец в расцвете лет, среднего достатка и свободной профессии. Главными его достоинствами, которые культивируются образованием, являются разумность, моральность, свобода и независимость. С.П. Гурин утверждает, что в действительности ни один конкретный человек не соответствует классической норме. Поэтому все люди, так или иначе, проявляют элементы маргинальности. Вместе с тем в отличие от французских постмодернистов, указывавших на позитивные функции маргинального опыта, С. П. Гурин вписывает его в широкий контекст христианской традиции. Таким образом, он устанавливает

преемственность с практиками юродства, в которых он видит шанс к реальному преображению или спасению [9, с. 15].

В большинстве работ по философской антропологии присутствует ностальгия по традиционным, будь то педагогическим или религиозным практикам. Возможно, общество продолжает существовать на какой-то иной основе, нежели людское согласие. Ориентация на старые медиумы истины и морали не позволяет разглядеть новые формы взаимосвязи людей в общественное целое.

ВЫБОР ПУТИ РОССИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ.

Исток человеческих проблем следует искать в глобальных изменениях, охвативших наш мир. Уже давно идет процесс запустения традиционных коллективных пространств, в рамках которых люди совместно проживали, говорили на одном языке, сообща вырабатывали коллективные чувства, представления и даже понятия. Не ясно, как возможно сегодня единство автономных индивидов торопящихся после работы в свои отдельные квартиры в спальных районах. Не ясно, существуют ли какие-то общие проблемы, заставляющие принимать их участие в общественной жизни. Аполитичность, апатия, конформизм, омассовление – об опасности этого постоянно напоминают гуманитарии.

То, что мы живем в апокалипсическую эпоху, это не заслуга и не вина человека. Техническая культура породила новые медиумы коммуникации, которые имеет мало общего с религией, гуманизмом и метафизикой [10]. Традиционные понятия и различия уже не позволяют понять такие культурные феномены, как инструментарий, знаки, произведения искусства, законы, нравы, книги, машины и другие искусственные "вещи", которые невозможно распределить по таким различиям, как дух и материя, душа и тело, субъект и объект. Попытка рассуждать об этих сложных феноменах в рамках однозначной онтологии и двузначной логики приводит к деструктивным последствиям.

Для этого надо преодолевать научно-техническую истерию, которая питается страхами перед атомной угрозой и "термоядерной зимой". На самом деле современные технологии гораздо гуманнее прежних. Опасения должна вызывать не столько техника, сколько пещерное мышление людей, которые ее используют. Если раньше научно-технические открытия применялись в военных целях, то и сегодня крупные кампании смотрят на открытия в области генов и компьютерных технологий точно так же, как их предшественники капиталисты смотрели на залежи полезных ископаемых и осуществляли колонизацию мира.

Антитехнологическая истерия особенно характерна для тех, кто заботится о гуманизации человека. Но именно техника выводит человека из нечеловеческого состояния в человеческое. Техника не производит отчуждения, как не является причиной перверсий. Технологии, имеющие дело с информацией, открывают путь для ненасильственных отношений, формируют новый тип рациональности, а не игнорируют ее в поисках способов самореализации. Многие ученые стали говорить о "диалоге с природой", что означает отказ от стандартной установки на покорение природы. Нарастание военно-технического безумия несовместимо с новыми технологиями. В мире, который стал сетью межинтеллектуальных взаимодействий, эффективным становится не господство, а сотрудничество. Человек был и остается

продуктом технологий очеловечивания, одомашнивания, социализации и цивилизации.

Современность не есть что-то монолитное. Это должно предостерегать от односторонних и однозначных оценок. Скорее всего, сферный подход не слишком годится для понимания процесса цивилизации. Модель современности следует строить в гештальте не сферы, среды, или мембраны, а сети, состоящей из каналов, по которым циркулируют люди, товары, знания и капиталы (включая культурный и символический). Так называемая глобализация протекает весьма по-разному в зависимости от конкретных условий. Необходимо описание каналов, по которым циркулируют информация, деньги, культурные артефакты и иные ценности. Важно знать, какие организации и люди обслуживают эти сети. К каким последствиям приводят те или инъекции европейских культурных образцов (экономика, политика, права человека, искусство и др.) в "тело" неевропейских народов. И наоборот, могут ли, и если могут, то как, те, кого представляют другие, представлять себя сами и тем самым влиять на другие "цивилизованные" народы. Тут тоже мало разговоров о взаимодействии культур, необходимо проследить трансформации культурного и иного капитала. Предлагая в качестве лекарства лечения современности архаичные формы солидарности даже в сублимированной форме, нельзя недооценивать положительные качественные изменения коммуникативных трансформаций, смягчающих социальную ткань. Социальная реальность становится более сложной, дифференцированной, в ней возможна игра и свобода.

Наше время предоставляет человеку столько свободного времени, сколько у него никогда не было раньше. Кажется, наступило время развлечений. Развлечение становится главным мотивом жизни, охватившим все слои населения, и окончательно уничтожившим сложный био-психо-политический феномен, названный пролетариатом. Заповеданный Богом труд перестает быть главным проклятием для человека. То, что не слишком удачно называют обществом потребления, выражает главное: общество перестало конструироваться на основе нужды, нехватки, экономии и ограничений. Решающая особенность нашего времени заключается в повороте человека к собственному благоденствию. Очевидно, драма современного общества уже не может быть описана языком старых сценариев об эксплуатации или отчуждении. Пора осознать, что критерии человеческого сложились в последнее аграрно-империалистическое столетие и уже давно устарели. Революции начала XX в. были консервативными, возвращающими к уравнительной бедности и экономии. Им соответствуют модальные идеологии, опирающиеся не на идеи, а на потребности. Свобода сводится к необходимости, а достаток к удовлетворенным потребностям. Это можно объяснить социально-психологическими обстоятельствами. Родители постоянно учат детей, что они должны жить лучше их. Это продолжается и в поучениях профессоров, уверяющих, что богатство ведет к упадку культуры. Расцвет психоанализа и академического марксизма после второй мировой войны также способствовал повышению субъективного переживания нехватки. При этом, конечно, молчаливо предполагается рост благосостояния, для того чтобы его отрицать. Собственно, облегчение жизни и позволило интенсифицировать переживание бедности, так

сознание становится своеобразным складом прошлой нужды. Так возникает пессимизм роскоши, что характерно для Ницше и Шопенгауэра. Именно это чувство недовольства культурой и превращается в отрицание благополучия.

Рост покупательной способности масс способствовал изменению сознания. Даже низшие слои населения вступили в рынок моды, мобильности, дизайна и гастрономии, характерный для индустриального общества. Прежде всего, автомобильная культура, хотя ее чрезмерное развитие наносит вред, свидетельствует об изменении жизни в сторону достатка. Но настоящим достижением становится расширение зоны свободного времени, благодаря чему возникают новые субкультуры. Излишки времени уходят на развитие разного рода талантов, и даже на конструирование частных метафизических систем. Эта изощренность психики, повышение ее чувствительности ведет к трансформации жилья, многие не только улучшают одно, но и инвестируют средства во второе. Начинается дачный бум. У нас он также зарождался под знаком нужды, как подсобное хозяйство. Но, продолжая восприниматься в терминах нужды, дачный участок на самом деле перестает быть огородом и становится местом отдыха и развлечений. Вообще говоря, столь широкое вторжение масс людей в сферу развлечений, отдыха, туризма, спорта, музыки не имеет прецедента в истории. Чтобы верно оценить достижения достаточно сопоставить современность с первым послевоенным десятилетием.

Почему же на фоне роста благосостояния процветал либо пессимистический, либо утопический язык XIX столетия, выражавший мечты о лучшей жизни? Почему люди так долго не захотели признавать, что их чаяния о хорошей жизни, наконец, воплощаются? Лишь немногие интеллектуалы 20-х и 30-х годов смогли избежать как утопизма, так и пессимизма в отношении прогресса и констатировать рост благосостояния бедных слоев населения. Но едва ли кто отмечал в своей критике или диагностике «духовной ситуации времени» те существенные изменения, которые обнаруживают несостоятельность прежней двучленной оценки бытия как подлинного или неподлинного. Тем самым черный дискурс о цивилизации продолжался. Как левые, так и правые понимали реальность как господство или рабство.

Неудивительно, что в климате благоденствия в Европе и Америке 70-х г. неожиданно прокатились волны протеста, которые можно объяснить реанимацией культа жертвенности. Люди вновь стали ощущать себя жертвами тоталитаризма. Можно говорить о появлении новой формы ресентимента. Но протест выражался не в классовой борьбе, а в форме разоблачения вредных воздействий технологий. Кроме психологического мотива, протест зеленых имеет основательные экономические причины. Подогреваемая медиократическими средствами, развивалась практика возмещения ущерба, нанесенного не только стихийными бедствиями и катастрофами, но и вредными выбросами и прочими опасными для здоровья людей последствиями технического прогресса.

Повышение производительности труда сопровождается увеличением свободного времени. Антропологическим последствием увеличения свободного времени является взрыв внимания к себе. Все те серьезные изменения в морали и нормах

поведения, которые в свете прежних традиций выглядят шокирующими, обусловлены облегчением жизни от труда и забот о хлебе насущном. Год состоит из 8760 часов. Из них 1700 уходит на сон (8 часов в сутки) и примерно столько же на работу. Остается 4140 часов. Даже если отсюда вычесть время на рутинные акты и на дорогу, то все равно получится беспрецедентное свободное время. Но, если, конечно, сравнивать с эпохой индустриализации.

Маркс и Энгельс писали о власти товарно-денежных отношений. На самом деле психоистория капитализма развивается от пуританского отношения к труду до либеральной свободы ориентирования в форме шопинга, спорта, туризма, коллекционирования и т.п. Субъект эпохи постмодерна отрекается от общепринятых форм жизни. Он меньше озабочен платежеспособностью или родственными связями, а больше своей индивидуальной биографией, он колеблется не между добром и злом, а между шуткой и розыгрышем. Люди озабочены едой и любовью. Американское слово «секс» стало синонимом разгруженного отношения к половым отношениям, они стали рассматриваться не как способ продолжения рода, а как путь к удовольствиям. Открылся рынок эротической жизни, что было названо В. Райхом сексуальной революцией. Сексуальная озабоченность в ее фаллической форме сегодня преодолевается. Начиная с XIX века, сексуальная потенция становится символом подлинного богатства. Бедные это импотенты. Речь идет о том, что люди неправильно распоряжаются сексуальностью, либо по причине зажатости, либо из-за незнания опций. Сексология проливает свет на особенности современного общества. Экспликация «сексуального» происходит во всех сферах в публицистике, эстетике, психологии, экономике. Это разрушило монополию государства на регулирование отношений разнополых личностей. Были оправданы такие опции, как гомосексуализм, автоэротизм и другие формы девиантного полового поведения, если они не имеют криминального характера. Обострилось внимание к интимной сфере жизни. Исследуется структура перверсивного опыта, сексуальное поведение кодируется не в терминах драмы, а наслаждения.

Современность характеризуется резким снижением рождаемости в высокоразвитых обществах. Это свидетельствует о преемственности менталитетов нового мира и старой Европы. С одной стороны, можно говорить о восстании против мировоззрения нищеты – наследия индустриально-городского общества. С другой стороны, о резком снижении рождаемости в постаграрных обществах. (В Японии, Германии, Италии – 0,9%). В США процент выше за счет притока мигрантов, но ценой маргинализации выходцев из Европы. Это служит основой рассуждений о взаимозависимости благосостояния и низкой рождаемости. Слабая биологическая инвестиция – так в терминах экономики можно описать нежелание обременять себя детьми – характерна для развитых стран. Таким образом, можно говорить о детско-материнской нищете в обществах благоденствия. Отказ от родительского долга отчасти оправдывается дороговизной воспитания и образования детей. Если посчитать, то сегодня в постиндустриальных обществах содержание ребенка обходится дороже, чем позолотить шпиль на церкви. В современных высокоразвитых обществах период детства протянулся почти на 30 лет, причем сами взрослые дети не ощущают своих привилегий, а родители живут в

постоянном страхе за будущее своих детей. Таким образом, суть дела не в недостатке средств на воспитание и образование, а в недостатке родительского тепла. Низкую рождаемость нельзя объяснить ссылками только на профессиональную занятость женщин и на дороговизну воспитания. Современные государства тратят такие средства на поддержку материнства и детей, каких никогда в истории ни одно общество не вкладывало. Кроме того, контрацептивы снижают количество не желаемых детей, и случаев избавления от них становится меньше. Правда, в России это настоящая проблема, острота которой определяется не только неустроенностью молодых родителей, но и увеличением числа больных детей. И все-таки причина падения рождаемости лежит в изменении стандартов комфорта. Люди уже не желают обременять себя лишними заботами о других.

В современных обществах идет беспримерная борьба за уменьшение страданий от болезней. Цивилизационный процесс, затронувший больницы, проявляется в том, что кроме хирургов весьма важными фигурами там становятся психологи и социологи. Даже старики и инвалиды занимаются спортом. Болезнь становится не просто формой жизни, но и сопровождается культурой диеты и фитнеса, что ведет к расширению курортов, грязелечебниц и т.п. Еще сто лет назад Т.Манн в «Волшебной горе» определял курорт метафорой материнского инкубатора. Наступление на страдания происходит благодаря развитию разнообразных медицинских служб. Разрабатывается утонченная герменевтика болезней, которые представляются с позитивной стороны, как шанс для больного проявить заботу о себе. На Западе клинический архипелаг оснащен различными средствами, делающими жизнь больного не только вполне сносной, но и комфортабельной, имеющей свои прелести и радости. Кроме специалистов современные клиники имеют совершенный гуманистический патронаж.

Горючим веществом развития современной технологии и экономики является строительство общества как гигантской теплицы, в которой благоденствуют люди. Свободное время тратится на развлечения. Львиную долю его съедает путешествие, передвижение в поисках удовольствий. Современные тела – это тела водителей или пассажиров автомобилей. Два из трех моторизованных передвижений тратятся на неэкономическую и не профессиональную деятельность. Прежде всего, бросается в глаза расцвет туризма, сегодня количество путешествующих людей и потраченного на туризм времени во много раз превосходит то, что было раньше, даже если учитывать кругосветные путешествия. В целом свободное время тратится не на производительный труд, а на соревнование по части разного рода забав и развлечений. Но вряд ли это может служить аргументом в пользу освобождения. Большинство развлекается по установленному образцу, довольствуясь тем, что предоставляет индустрия наслаждений. Отсюда пристальное внимание современной философии должно быть обращено на сферу досуга и развлечений. Именно в этой сфере необходимы определенные вмешательства государства, ибо забота о подрастающем поколении является важнейшим фактором развития современных обществ.

Список литературы

1. Bolk I., Das Problem der Menschwerdung. - Jena, 1926.
2. Золотухина–Аболина Е.В. Философская антропология. - М., Ростов на Дону, 2006.
3. Барулин В.С. Социально-философская антропология. - М., 1994.
4. Гуревич, П.С. Философская антропология: опыт систематики. Вопросы философии. 1995. №8, с. 101
5. Культуральная антропология. – СПб., Изд. СПбГУ, 1996.
6. Корольков А.А. Антропология и кризис духовности. // Антропологический синтез. - СПб. 2001.
7. Омельченко П. В. Опыт Философской антропологии. - Волгоград 2005.
8. Губин В., Некрасова Е. Философская антропология. - М., 2000.
9. С. П. Гурип. Проблемы маргинальной антропологии. – Саратов, Изд. Саратовского университета, 1999, С. 8
10. Луман П. Медиа коммуникации. - М., 2005

Марков Б.В. Цивілізаційні наслідки суспільства благоденства

Стаття присвячена аналізу сучасного цивілізаційного розвитку. Відмінною рисою нинішньої епохи автор вважає поворот людини до власного благоденства. У роботі також розглядаються різні, існуючі в історії культури дискурси про людину, які трансформувалися в пострадянському просторі.

Ключові слова: цивілізаційний розвиток, людина, сучасна епоха, суспільство благоденства.

Markov B.V. Civilization consequences of a society of prosperity

The article is devoted to the analysis of modern civilization developments. The author considers as distinctive feature of a present epoch turn of the person to own prosperity. In work, various discourses existing in a cultural history about the person which were transformed in the post-Soviet territory also are considered.

Keywords: development, the person, a modern epoch, a prosperity society.

Поступило в редакцію 11.09.2007